

шипенко

СУДЗУКИ

Берлин, 1994

Клаус Клаус
Камарды
Али
Мехмет
Хусейн
Женщина
Велосипедист
Турки

Берлин. Ранняя зима. Дождь. Улица. Двор. В глубине двора автомастерская. Вывеска. Турецкое имя. Несколько запертых гаражей в ряд. Жёлтая телефонная будка. Помятый человек, начало 30-ти, входит в неё, вставляет в прорезь карточку, снимает трубку, набирает номер, ждёт. Никого. Это Клаус Клаус.

... выходит, разглядывает двор, неспеша движется в глубину, к мастерской. По дороге ему встречаются останки кузовов различных авто, и в частности, почти целый "Рено-5" грязного какого-то цвета. В мастерской горит свет: четверо турок в рабочих комбинезонах ходят кругами возле красной спортивной машины (летит бе "Порсче"), сильно разваливающейся.

Т у р к и. Курши́к-турли́к мык преда́х, агаи́р вуи́р дак шоро́... Хавари́ дарио́р зава́ран... Дакха́р балык дыу́р сиди́рп шаварда́р! Маншо́ тыкланды-ку-рымáр ШАЙСЕ!!!

Один из кружащих внезапно прерывает движение, подсаживается внутрь автомобиля и принимается усиленно там что-то ремонтировать. Остальные заинтригованно прилипают.

Клаус Клаус некоторое время наблюдает за турками извне, сквозь стекло, замечает, что вода с крыши льётся ему за воротник, толкает двери мастерской, входит, останавливается. Турки, точнее, один-два из них кидают на него беглый взгляд и продолжают вязко обсуждать красный спортивный автомобиль.

Шархтын-мардын духванду́к... Авары!

Т у р о к (кивая в сторону К. К.). А выр шиты ях?

Т у р о к. Камарды!

Сказавший "камарды" был тот, кто подсел внутрь "Порше". По всему видно, что он тут самый умелый, хотя не старший и не владелец. "Камарды" вылезает из машины, подходит к К. К.

К а м а р д ы. Вас волен Зи?

К. К. Я по объявлению. В "Цвайте Ханд". Хотелось бы осмотреть "Судзуки". Он ещё не продан?

К а м а р д ы (странно улыбаясь). "Судзуки"? Момент... (Коротко оглядывается назад.) Кёнен Зи айнбисьен вартен?

К. К. Могу.

Камарды возвращается к машине, залезает внутрь, звуки ремонта возобновляются. К. К. стоит на месте, наблюдает.

Дождь льёт-не-кончается в сером пространстве дня, и только мастерская тепло светится изнутри, как бутылка подсолнечного масла.

Т у р к и (обстоятельно, не отлипая от машины, курлычут). Кúrды-мúрды-такх- валаманды-тарманды-варикариверды-тириúр-шумúрд-гош...

Пауза. Пауза. Пауз, впрочем, много, сплошные паузы. Журчание турок, шум дождя, жёлтый свет, неподвижность, спокойствие, торопиться некуда.

К а м а р д ы (приспуская и вновь поднимая стекло правой передней дверцы, и так несколько раз). Вурдаурды - оп! (Радостно демонстрируя движение стекла остальным.) Оп! (Вниз-вверх.) Оп! (Снова.) Оп!

Т у р к и (плеская во все стороны руками и умильно интонируя). Ах-вах-вах-вах-вах-вах-вай!.. Акыурдóх!

К а м а р д ы (сказавшему "акыурдох"). Али!

Али кивает и идёт к аппарату у стены возле подобия конторки, ибо раздаётся оглушительный телефонный звонок. К. К. вздрагивает и отходит пару шагов в сторону, пропуская турка к телефону. Выглядит Али старше и спокойней других.

А л и (голос низкий, уверенный). Я? (Слушает, кивает.) Их холе дас ин айне штунде ап. (Диктует.) А-фия-зибн-нуль-зекс-айнц. (Слушает.) Генау! (Кладёт трубку, разливает кофе из дымящейся на конторке кофейной машины по двум чашкам: одну пригубливает лично, другую протягивает К. К.) Шонес ветта драусен...

К. К. отхлёбывает кофе, смотрит наружу. Дождь. Али несколько раз (как бы в доказательство своих слов) кивает и возвращается обратно, к красной спортивной машине.

Долгое время вообще ничего не говорится - только металлические звуки ремонта да вялое кружение вокруг "Порше".

К. К. ждёт, ждёт, ждёт, отхлёбывая кофе, не двигаясь. Ничего. Снова звонит телефон. Али делает знак К. К., чтобы тот снял трубку. К. К. повинуется.

К. К. (преувеличенно бодро). Автомастерская Камарды! (Слушает.) Что? Как? Истанбул?.. Кого Вам нужно? (Слушает, затем, прикрыв трубку, спрашивает в район красной спортивной машины.) Мехмет - кто?

М е х м е т (один из двух молодых людей скорее наблюдающих за действиями старших товарищей). Я. (Лениво приближается, берёт трубку, но говорить начинает неожиданно быстро и эмоционально.) Курды-мурды-бых-

дох-дык-махагон-рагон-пехлава-шибуда-раурд-урд! (Громогласно хохочет, затем вдруг ласково и тихо.) Шикúты... шикúты... живодыр...

К. К. (поясняя ласковость Мехмета остальным). Звонит девушка...

Остальные не реагируют, только странно на него смотрят.

М е х м е т (нежно). Курлы-мурлы-дурлы-мáли-дáли-дáли-дай...

К. К. (приближается к Мехмету, становится рядом, подливает себе ещё кофе, напевает). Ай гот э телефон кол фром Истанбул - ма бэбби'з каминг хоум тудей...

М е х м е т (не обращает на К. К. никакого внимания). Турды-мурды-кáли-ли-ли-лаорúм-рум...

К. К. улыбается, выходит из дверей на дождь. Некоторое время стоит так, затем замечает, что чашка с кофе наполняется дождевой водой, выливает содер-жимое на землю, идёт к телефону-автомату на улице, входит в него, вставляет в прорезь карточку, набирает номер, ждёт, слушает, никого, вешает трубку, выходит, стоит рядом. С другой стороны к будке подъезжает Велосипедист, соскакивает с велосипеда, обращается к К. К.

В е л о с и п е д и с т. Не посмотришь за велосипедом - у меня замка нет?

К. К. С удовольствием.

Велосипедист смотрит на К. К. удивлённо, мешкает, но всё-таки входит в будку. Засовывает карточку, набирает номер, говорит.

В е л о с и п е д и с т. Сабине, это я. Я в Веддинге, буду через час. Той краски, что ты хотела, нет. Еду сейчас ещё в одно место, надеюсь, возьму там...

К. К. ловко запрыгивает на велосипед и уезжает. Велосипедист бросает трубку и выбегает из будки вслед уехавшему К. К.

Мехмет в мастерской продолжает курлыкать с Истанбулом.

М е х м е т. Турыкúм-тырúм-рум... Арлы-лукúм-рум-захарвыдлы-кшем... Заурдым-ламотóн-тон, тирликúм-да-да-ды! О, Пшхеветá! О, рым дирикó савáр! Карýм абыко зым! Олигáр партохнúм, шаварым гунирдóм, апарáс кахтычáр дзэн... Зиúр каладыр апанáс, хвашýн зарбыс гуры-гур... (Слушает.) А ты ком нах Берлин из того, што зомáр Истанбул...

(Погружает-ся в слушание.)

Возвращается на велосипеде К. К., слезает, ставит его возле телефонной будки, идёт к гаражу, поднимает с земли чашку из-под кофе, входит внутрь, как свой, замечает продолжающего курлыкать Мехмета, выливает воду из чашки ему на голову, одновременно нажимая на рычаг (разговор с Истанбулом, соответственно, заканчивается). Мехмет неспеша достаёт из кармана нож, щёлкает выскакивающее из корпуса довольно внушительных размеров лезвие, с которым он и бросается на К. К. Тот отбегает к ремонтирующим "Порше" туркам и бежит вокруг от Мехмета. Никто не обращает на них никакого внимания.

(Экзальтированно донельзя.) А-а-а-шурúk-шурук-драгобёр-хан-ханá-швыгр!

К. К. (пародируя Мехмета). Курлы-мурлы-дарымбár-ханá-ханя-ха-а-ан!

Мехмет рычит и ускоряет свою беготню - К. К. выскакивает из гаража наружу - Мехмет следует следом (пардон). К. К. успевает открыть дверцу близстоящего "Рено-5", впрыгнуть внутрь и закрыться там. Мехмет останавливается возле и стоит, склонившись над лобовым стеклом, рисуя ножичком то так, то сяк, уг-рожая (постепенно всё формальней и формальней), затем выпрямляется, смотрит в небо, да так и стоит, подставив себя дождю. К. К. включает дворники. Появляется Велосипедист, обнаруживает свой велосипед стоящим на прежнем месте, облегчённо вздыхает, обращается к Мехмету.

В е л о с и п е д и с т. Ты не видел этого негодяя, который велоси...
М е х м е т (перебивает, кивая на "Рено-5"). Вон он!

Велосипедист недоверчиво приближается к машине. Мехмет возвращается в мастерскую. Турки бросают ремонт и вновь принимаются оживлённо обсуждать красный спортивный автомобиль.

Т у р к и. Курлы-мурлы-мурлы-курлы-агош-адруат-гуншури...
В е л о с и п е д и с т (обращаясь скорее к движущимся дворникам). Что ж ты, подлец, велосипед у меня попёр, а? Зачем? А? Я, понимаешь, его за 700 у Отто купил, а ты - ...

К. К. (приспуская стекло, очень спокойно). Ты - пидарас. (Поднимает.)
В е л о с и п е д и с т. Что-о-о?!!

К. К. отвечает "что слышал", но звучит это из-за стекла совсем глухо.

Ах, ты так!.. ты так!?! Ну, я тебе щас...

Велосипедист бросается на лобовое стекло, бьёт по нему ладонью, вырывает дворники. Это видит Мехмет, который тут же выскакивает из мастерской и кидается вдогонку за Велосипедистом. Велосипедист бежит, оставляя велосипед у будки.

М е х м е т (с чувством). Зачем дворники ломаешь, падла немецкая?! Кувыр-дох-дарух-дах-дох-дыр!

Мехмет исчезает со сцены, однако, вскоре возвращается совершенно спокойным и принимается прилаживать оторванные дворники на место.

К. К. (вновь приспуская стекло; безэмоционально). Мехмет, ты - дурак.

Мехмет так же безэмоционально достаёт ножичек (щёлкает лезвие), помахивает перед лобовым стеклом. К. К. неожиданно распахивает дверь и выходит совершенно открыто наружу. Раскинув жертвенно руки, с преувеличенным па-фосом.

Ну убей меня, убей!

М е х м е т (улыбается). На, помоги лучше второй насадить... (Протягивает К. К. второй дворник.)

К. К. принимается насаживать. Проходит минуты две-три.

Т у р к и (о спортивной машине). Арлы-марлы-сава-ихава-дош-гарум. Кхуридыр-парыш-дархад, нарыш-парыш-друдумар-кхан. Закарды-рауирм-ак-хвадох...

Звонит телефон. Али снимает трубку.

А л и. Шуру́н! (Слушает.) Зуридур мушлák... (Приоткрывает двери, кричит Мехмету.) Мехмет, Истанбул зугá!

М е х м е т. Тыщун! (Уходит в подсолнечной масло мастерской, берёт трубку, курлычет.) Ахыр-дахыр-дош-дарын-зарынмар-валидох-шубранкар... Авыштáр-ирмидур-лу́ли-ду́ли-картыс...

К. К. заканчивает борьбу с дворником, возвращается в мастерскую. Проходя мимо Мехмета, делает вид, что нажимает на рычаг телефона. Мехмет машет ножичком и скалит зубы. К. К. бойко приближается к красной спортивной машине, открывает правую дверцу, садится внутрь, весело обращается к сидяще-му там Камарды.

К. К. Ну что, дорогой мой Камарды, когда же я всё-таки "Судзуки"-то осмотрю, а? (Отчётливо, как для идиота.) Я-хочу-его-купить!

К а м а р д ы (отрываясь от ремонта). Купить? (Удивлён; повторяет несколько раз, думая о другом.) Купить-купить-купить-купить...

К. К. (настойчиво). Да, купить! Я пришёл, чтобы посмотреть машину. Если понравится - купить. Всё. Больше никаких желаний. Вопросы есть?

Пауза.

К а м а р д ы (тихо). Стекло опусти.

К. К. Что?

К а м а р д ы. Стекло с твоей стороны опусти.

К. К. опускает стекло.

(Радостно машет головой; к остальным.) Ну вот - шабурды завирал!

Т у р к и (хором). Завирал, завирал...

К а м а р д ы (кивая на К. К.). А он - шаркунзы-таркунзы недотёк!

Т у р к и. Недотёк, таркунзы, недотёк...

К а м а р д ы (в сторону курлыкающего Мехмета). А тот, сахарды, доридо́х забу́рел!

Т у р к и. Ох, забу́рел доридо́х, забу́рел...

К а м а р д ы (к К. К.). Сколько времени?

К. К. (впервые обнаруживая наличие часов на руке). Пять минут третьего...

К а м а р д ы (удовлетворённо кивая). Гляди. Сейчас появится. (Остальным.)

Зурманду́р такулáн!

Турки выстраиваются вдоль стёкол дверей-ворот. Зачарованно смотрят наружу, словно чего ожидая. Камарды покидает спортивный автомобиль и присоединяется к товарищам. Мехмет перестаёт разговаривать с Истамбулом, замирает, вглядываясь в дождь и туда, где кончается двор и начинается тротуар с телефонной будкой и прислонённым к ней велосипедом. Последним к туркам подстраивается К. К., также погружаясь в оцепенение. Проходит несколько минут.

Возле телефонной будки появляется женская фигура то ли в плаще, то ли в пальто, и в белом платке, покрывающем голову так плотно, что ни одна прядь волос не выбивается наружу. Женщина несёт корзину. Со смиренно склоненной головой пересекает она двор и останавливается перед дверьми, словно перед тюрьмой. Долгий взгляд сквозь стекло. Двери приоткрываются и рука Али забирает корзину. Ещё с полминуты женщина стоит, как бы прощаясь, затем уходит. Али раздаёт каждому по свёртку из фольги, включая К. К. Разворачивают, едят, всё так же глядя на дождь. Али наливает каждому по чашке кофе, раздаёт сигареты.

Курят, пьют кофе. Снаружи темнеет.

К. К. (медленно, осознанно). Сегодня странный день.

К а м а р д ы (затягивается, выпускает дым). Почему?

К. К. Важный день... Сегодня-я-вижу-всё.

К а м а р д ы (затягиваясь). Правда?

Телефонный звонок. Никто не двигается с места. Телефон звонит. Долго. До тех пор, пока Али наконец не снимает трубку.

А л и. Шардарлы такурма́х! (Слушает.) Жигурда́м таршириму́рд! (Остальным, прикрывая трубку.) Анарза́ дхаём шуг!

Т у р к и (хором, всплёскивая руками). Ах-вах-вах-вах-вай! (К Камарды.) Шириу́р дахлёмба!

К а м а р д ы (соглашаясь). Дахлёмба, дахлёмба... (К. К.) Ты можешь здесь остаться? Нам нужно другу помочь, он в аварию попал...

К. К. Конечно - что за вопрос - останусь!

К а м а р д ы (остальным). Авыа́р садырдо́х ругу́р!

А л и (в телефон). Жирадур дарзынкул. Кулуй! (Берёт с конторки ручку, пишет.) Резиденц-штрассе? Где танкштелле?.. Шаур! (Кладёт трубку.)

Мехмет и ещё один молодой подхватывают ящик с инструментами, выходят. За ними - остальные. Молча и словно на войну.

К. К. остаётся один. Оглядывается. Подливает себе ещё кофе и, с чашкой в руках, обходит помещение мастерской. Трогает запасные части, колёса, включает и выключает кондиционер. Открывает кран. Из шланга льётся вода, некоторое

её количество попадает на корпус спортивной машины, некоторое - в рот К. К.

Напившись, он вновь подходит к конторке, поворачивает ручку висящего на стене радио - турецкая музыка. К. К. отыскивает среди бумаг на конторке сига-

реты, закуривает. Пританцовывает, пытаясь поймать такт подрагиванием яго-диц - такт уплывает, музыка поднывает, К. К. курит. Кофе, затяжка, такт, ко-фе, затяжка, такт. К. К. снимает трубку, набирает номер, слушает.

К. К (удивлён). А - ты?! Не ждал... Ты уже вернулась? (Слушает.) Как же "не уходила", когда я звоню тебе целый день? (Слушает.) Где я? (Пауза.) А ты как думаешь? (Слушает.) Почему обязательно в Кройцберге? Я могу быть, где угодно, даже немножко не здесь, даже немножко неживым. Может, я с тобой с кладбища разговариваю? (Слушает.) Турецкая музыка? А это, малыш, турецкое кладбище, и музыки, соответственно, хоть отбавляй! (Вдруг.) И я счастлив... (Пошатывается, чуть не падает; приходит в прежнее положение.) Нет, я не в Кройцберге, хотя и среди турок.

Загадка, квис, прошу... (Слушает.) Не гадай, старая, я совсем-совсем далеко... (Напевает.) "Телефон кол фром Истанбул - ма бэби'з гонна хоум тудей..." (Слушает.) Именно! Я уехал и больше не вернусь... Здесь хорошо. Кофе. Солнце. Смерть. Белоснежные мечети и грязные улицы.

Тень,

и потому дома на теневой стороне - все синии! Очень похоже на свежестырианный финский флаг... Истанбул, одним словом. (Слушает, курит.) Да, старая, я уехал от Германии и от тебя, на этот раз ты совершен- но права. Никто мне здесь не говорит, что я должен делать, а что - нет.

Сиди себе на финской стороне улицы и созерцай. (Слушает.) Вот так,

хо-

рошо, очень хорошо, молодец... Наконец-то ты высказываешься прямо

и

без помощи интеллекта, я так давно этого ждал! (Слушает, подбадривает.) Вот так, молодец, хорошо, в выражениях не стесняйся... (Слушает.)

Снаружи, возле велосипеда, появляется ещё один турок. Переминается, поглядывая то на велосипед, то на говорящего по телефону К. К.

Это было только моё решение, только моё, не расстраивайся... (Зазывно машет турку рукой.)

Турок осторожно приближается.

Нет, я тебе не соврал, я действительно собирался покупать сегодня машину, могу даже сказать, какую... (Выискивает в сознании название.) Се- кундочку... (Не находит, смещается к дверям мастерской, приглашающе

приоткрывает.) Сейчас вспомню...

Т у р о к (в приоткрытую дверь). Можно?

К. К. Дурабулгур дахын... Курлы-мурлы-шабуды-ах!

Т у р о к (растерянно). Не понял... (*Ви, битте?*)

К. К. (прикрывая трубку). Проходи, проходи...

Турок входит. К. К. удовлетворённо кивает.

(Снова в трубку.) Это я тут с местным одним разговариваю... Попросил его ещё немного кофе в песок зарыть. (Вновь турку.) Тебя как звать?

Т у р о к. Хусейн.

К. К. Хусейн? Очень приятно. Меня... не важно. Камарды с товарищами отлучился, я пока за него. (В трубку.) Ты ещё там? Подожди-подожди, не вешай трубку, я контролирую кофе... (Хусейну.) Тебе чего?

Х у с е й н (откашливаясь). Коллега... Там велосипед стоит... снаружи...

К. К. Нравится?

Х у с е й н. Угу. Чей он?

К. К. Мой.

Х у с е й н. Продаёшь?

К. К. Пятьдесят.

Х у с е й н. Сколько?

К. К. Пятьдесят. (В трубку.) Ты там?

Х у с е й н. Не шутишь?

К. К. Нет.

Хусейн, не глядя, вынимает из кармана купюру в 50 марок, протягивает К. К., собирается уходить.

(Вдруг; вдогонку.) Подожди, Хусейн...

Хусейн останавливается в дверях, смотрит на К. К.

Один вопрос... это очень важно... Скажи мне, в чём смысл? Я имею в виду, что главное... в жизни, да? (С трудом ворочает языком.) Вообще - понимаешь? Ты меня понимаешь?

Х у с е й н (после короткой паузы; уверенно и отчётливо). Ковры продавать - хорошо. *Тепих феркауфен - гут.* Немецкую женщину иметь - хорошо.

Дойче фройндин хабен - гут. На немецкой женщине жениться - нехорошо. *Дойче фрау хайратен - ништ гут.*

Хусейн ещё чуть задерживается, таинственно улыбается.

Ковры продавать - хорошо. *Тепих феркауфен - гут.*

Хусейн быстро выходит, садится на велосипед, уезжает.

К. К. (подавлен; не изменив положения, не в трубку). Ты слышала? (Снова в трубку; медленно, спокойно.) Извини, я тут сейчас немножко лиразей заработал, местной валюты, то есть... Не веришь? (Слушает.) Да, во время нашей с тобой совместной жизни я не мог заработать ни марки... Да... Да... Прости, всё это так скучно, что язык теряет мускулы, наработанные за годы. Хватит! Теперь я продаю ковры! Шабурды-рабуды-дуранды-ки-ур! (Кладёт трубку, смотрит в будущее.)

Тут же раздаётся новый звонок, К. К. снимает трубку.

Автомастерская Камарды! *Аутоверкшитат Камарды!* (Слушает.) Секунду, я не понимаю... Вы можете по-немецки? (Слушает.) Немножко? *Айнби-сьен?* Откуда вы, хотя я уже знаю ответ... (Мечтательно.) Истанбул... (Вдруг.) Простите, не могу разговаривать - не готов!

К. К. резко вешает трубку и долго стоит, прислонившись лбом к стене над кон-торкой. Непонятно, то ли плачет, то ли думает, а может, то и другое. Снаружи темнеет. Опять начинает звонить телефон, но К. К. неподвижен. Звонки пре-кращаются. К. К. отходит от телефона, выключает радио, застывает.

Двери в мастерскую открываются - Мехмет.

М е х м е т. Истанбул звонил?

К. К. Звонил, но мы плохо объяснились.

М е х м е т (улыбаясь). Не страшно. Она наберёт ещё.

К. К. Кто, если не секрет?

М е х м е т. Моя будущая жена. (Быстро раздевается догола, поднимает с пола шланг, протягивает К. К.) Полей, пожалуйста...

Мехмет отходит к стене мастерской, становится там, как для расстрела, включает кран. Из шланга с сильным напором начинает бить вода. К. К. направляет струю. Мехмет вскрикивает и крутится.

(Фыркая, громко.) А ты кто по профессии?

К. К. (созерцая). Я? (После некоторой паузы.) Ковры продаю.

М е х м е т (не слышит). Кто? Не слышу...

К. К. (кричит). Писатель я!

М е х м е т (оборачивается, закрывая лицо). Правда?

К. К. Ещё какая!

М е х м е т (восторженно). У-ух! Классное, небось, занятие, да?

К. К. Временами.

М е х м е т. У-ух! Интересно, интересно! А зовут Вас как?

К. К. Клаус Клаус.

М е х м е т (замирает). Как? *Ви, битте?*

К. К. Клаус Клаус. Два раза. Клаус Клаус. Два раза одно и то же.

М е х м е т (потерянно). Не слышал...

К. К. Это псевдоним.

М е х м е т (выключает воду). А что это?

К. К. Псевдоним? Это когда тебя двое. Ужасное состояние.

Мехмет приближается к К. К.

(Показывая на Мехмета указательным пальцем.) Раз... (На себя.) Два...
(После паузы; тихо.) Иногда хочется быть целым.

М е х м е т (тоже тихо, в тон). Подайте, пожалуйста, полотенце. Позади Вас
ви- сит. (Добавляет.) Господин Клаус Клаус.

Оба улыбаются. К. К. снимает с вешалки полотенце, протягивает Мехмету.

К. К. Однажды я ехал в метро... и напротив меня уселся мальчик лет пяти.
Мать его и другие братья и сёстры остались в другом конце вагона...

Мехмет принимается усердно растираться.

Мальчик спросил меня: "Как тебя зовут?" - "А ты как думаешь?",
ответил я. "Санта Клаус" - сказал мальчик (тогда я носил бороду и
выглядел соот-
ветственно). "Как ты угадал?" - "А где твоя телега, костюм, и прочее?" -
спросил мальчик. Я показал на небо. Мальчик кивнул: "Я приеду к тебе
туда на своих трансформерах! Жди!" И он отправился в другой конец
ва-
гона, туда, где сидела его семья. "Мама!" - радостно закричал мальчик. -
"Смотри! Там Санта Клаус!" И весь вагон одновременно повернулся в
мою сторону.

Мехмет улыбается и возвращает К. К. полотенце. К. К. перебрасывает его,
как
боксёр, через шею и серьёзно задумывается.

С тех пор я... ощущаю... (Вдруг.) Ты знаешь, что такое "санта"?

Мехмет несколько раз кивает и начинает одеваться. К. К. неспеша выходит
на-ружу. Дождь продолжается. Темнеет совсем. К. К. роется в карманах,
пытаясь
найти сигареты. Достает пустую пачку, комкает её, выбрасывает. Из другого
кармана извлекает толстую записную книжку, листает, улыбается.

Из мастерской выходит одетый Мехмет, запирает двери.

М е х м е т. Вы ничего не забыли? Я запираю.
К. К. Нет.

Мехмет проверяет, дёргая туда-сюда двери, оборачивается к К. К. Они идут
вместе до телефонной будки, останавливаются.

М е х м е т. Вам куда?

К. К. показывает направление кивком головы.

Понятно. Мне в противоположную. Приятно было познакомиться. (Собирается уходить.)

К. К (протягивая Мехмету блокнот). Возьми. На память. Это мой последний роман. Самое драгоценное, что у меня есть. Бери, не стесняйся.

Мехмет осторожно принимает дар, листает. К. К. светится счастливой улыбкой.

М е х м е т (растерян). Но тут же ничего нет...
К. К. Вот именно.

Мехмет некоторое время пристально смотрит на К. К., затем молча достаёт из кармана нож, вкладывает его в руку писателя, уходит. К. К. смотрит ему вслед, продолжая счастливо улыбаться.

С другой стороны появляется Велосипедист. Он медленно приближается к незамечающему его К. К., останавливается рядом.

В е л о с и п е д и с т. Добрый вечер.
К. К (не поворачивая головы). Добрый.
В е л о с и п е д и с т. Где мой велосипед?
К. К (так же). Я его продал.
В е л о с и п е д и с т. Зачем?
К. К. А зачем он мне?

Пауза.

В е л о с и п е д и с т. Ты - скотина.
К. К (не меняя ни улыбки, ни положения). Знаю.
В е л о с и п е д и с т. Пойдём.
К. К. Куда?
В е л о с и п е д и с т. Я отведу тебя в полицию.
К. К (ласково). Не надо, друг. Такой чудесный вечер. Дождь в Истанбуле.
В е л о с и п е д и с т (дёргая К. К. за рукав). Пойдём!
К. К (ещё тише и нежней). Не надо, прошу тебя...
В е л о с и п е д и с т (дёргая сильнее). Идём!
К. К (растворяясь в улыбке). Ковры продавать - хорошо... *Тепих феркауфен - гут...*
В е л о с и п е д и с т. Иди!
К. К. На немке жениться - не хорошо... *Дойче фрау хайратен - нихт гут...*
В е л о с и п е д и с т (пытаясь стащить К. К. с места). Иди, сволочь!
К. К. Ковры продавать - хорошо... *Тепих феркауфен - гут...*

Так это и продолжается ещё немного: Велосипедист тянет бормочущего про ковры и немецких женщин К. К. всё настойчивей и с большим количеством крайне ограниченных ругательств. Затем кончается: щёлкает лезвие, и писатель принимается дырять им Велосипедиста, приговаривая про ковры и немецких женщин.

Ковры продавать - хорошо... *Тепих феркауфен - гут...* На немке жениться - не хорошо... *Дойче фрау хайратен - ништ гут...*

Мёртвый Велосипедист падает в лужу. Счастливо улыбаясь, К. К. смотрит вслед ушедшему Мехмету.

з а н а в е с